ЧИСЛО 12. Львовъ 3. Априля 187. РОКЪ X.

Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 зр. 20 кр. чвртр. 1 зр. 10 кр. на мѣстци 4 зр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА.

Предплату отбирае въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского М. Дзѣковскій.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ, ЗАБАВѢ И ГОСПОДАРСТВУ

МОЯ ВЕСНА.

Зимѣ конецъ! Естество пробужаесь отъ сна.
Все звучитъ, гомонитъ: Мила надходитъ весна!
Весь свѣтъ радостію напоенъ гласно'сь озвалъ
Образъ бо смерти вже минулъ, а жизни насталъ!

Глянь якъ солнце ясно свѣтитъ — звучитъ птицы пѣвъ,
Якъ въ свободу генъ далеко, толпится кто живъ,
Якъ за утѣховъ, своимъ дѣломъ гонитъ весь свѣтъ
Вотъ бо весна! где любовь, надѣя — скиптръ держитъ!

Тутъ Вельможъ радуесь, що оставитъ, свой предѣлъ,
Що пойдетъ въ чужину, дабы грошъ тамъ пропустилъ,
Тутъ купецъ за купномъ, сей за ползовъ ѣдетъ въ путь
Радъ и бѣдакъ, що огрѣесь, темный лишитъ кутъ.

Гараздъ и скоту бо зелена дуброва, лугъ,
Займетъ'го, тамъ скотарь — земледѣлецъ возьметъ плугъ
А хоть при трудѣ, потъ неразъ, отретъ онъ,
Все забудетъ, бо крѣпитъ надежда легкій сонъ.

А такъ веселится, тѣшитъ що только жіетъ,
Любовь бо, надежда въ сердцяхъ всѣхъ живущихъ бьетъ.
Тотъ зерно земли отдалъ, сей збудовалъ, купилъ,
Погуляетъ другій, а сей сновъ щось прирobилъ

Вотъ! въ при новой веснѣ всякъ съ надеждо смотритъ въ даль
Весна менѣ приноситъ смутокъ и жаль!..

В. Р.

ПОСЛѢДНОЕ СРЕДСТВО

(продолженіе)

III. ОТКРЫТІЕ.

Прошло уже три мѣсяцы отъ прибытія Господина Фалка въ дворецъ Борынскій. Всѣ головніи лица нашой повѣсти находимъ разомъ въ хорошо украшеной свѣтлицѣ собраныхъ. Лѣкарь ино що возвратился зъ своего уметвенного путешествія и описываетъ красноречиво удивительную окрестность. Казалось всѣ присутствующіи съ увагою слушаютъ его, но нѣкоторіи вовсе не внимали его розсказаніямъ.

Артуръ сидѣлъ безмолвно и недвижимо въ одномъ крыльцѣ комнаты. Одною рукою закрывалъ чело и очи а другою подпералъ на поручахъ канапы. Противо него сидѣла графиня, сумная и болѣзнующая якъ всегда. Очи спустила въ землю и недерзала поднести ихъ горѣ, щобы не стрѣтитися съ страшеннымъ видомъ Артурового лица, который ю предъ хвилею такъ перестрашилъ. А и Марина вопреки своей веселости посмутнѣла и потупила очи къ землѣ. Может лякалась позрѣній отца, можетъ быти хотѣла сокрыти смутокъ который такъ явно обнаружвался на ей лицу.

Даже самъ лѣкарь казался днесь бы-

быти не свой. Поглядал съ якимъ-то торжественнымъ видомъ то на графиню то на Артура и дочку, и казалось що нарочно свое повѣствованіе продолжаетъ, абы тѣмъ лучше могъ всѣмъ придивитися.

„Краснѣйшой околицы не нашелъ я, которая бы мене такъ занала" — продолжалъ лѣкарь дальше свое повѣствованіе — „Жаль мнѣ, що давно не свернулъ я въ тіи стороны мои ежедневніи прогульки."

„Котораяжъ сторона понравилась Господнну?" вопросила Госпожа Дружевска.

„Поза горою замковою къ монастырю" — отвѣтилъ лѣкарь, довольно свѣдомый съ тою окрестностію.

„Къ монастырю?" возразилъ живо Артуръ, ударяя долонею въ чело, якъ бы искалъ якогось воспоминанія, или хваталъ якуюсь щастливу думку. „А такъ, прекрасна то околица; въ нѣкомъ отдаленіи муры монастырскіи на горѣ край лѣса, недалеко стародавная церковца, а ниже великое селеніе горское роспростерто на нѣсколькихъ холмикахъ. Щастливы тіи, которіи тамъ жіютъ и умираютъ! Извольте любезна мамо" — сказалъ онъ живо свернувшись къ графинѣ — посѣтити тую околицю.

„Съ охотою мой сыну" — отвѣтила Гжа Дружевска, восхищенна необыкновеннымъ веселіемъ Артура. — „Можемъ заразъ завтра и то всѣ разомъ."

„Для чего ажъ завтра?" — отрекъ Артуръ съ горячковою нетерпѣливостію. — „не лучше бы тое заразъ сдѣлати?"

Графиня ничего не отвѣтила, но такъ сильно потягнула за звонокъ якъ бы хотѣла всѣхъ дворскихъ слугъ скликати.

„Сейчасъ запрягати коней" — сказала входящому слузѣ. — „Поѣдемъ до Монастыря."

„Для Г. Артура лучше было бы верхомъ проѣхатись" — замѣтилъ лѣкарь.

Госпожа Дружевска вопросительно позрѣла на сына, а узнавши его согласіе, издала отвѣтніи по сему приказы.

По трехъ часахъ цѣлое товарищество приближалось къ предмету своей прогульки. Монастырь представлялся путешественникамъ нашимъ въ цѣлой своей красотѣ. Положеный на возвышеномъ холмику казался господьствовати надъ всею окрестностею; только муры Монастыря и храмъ Господень съ куполами выдавались понурыми. Казалось, що на нихъ тяжитъ якаясь гробовая поморока, котора мимовольно приказывала молчаніе и къ розмышленію приневждала.

Старенькій чернецъ вышелъ привѣтствовати гостей а велѣвши отворити врата, сопровождалъ ихъ и указывалъ всѣ забытки монастырскіи. Артуръ казался всѣмъ съ особлившимъ вниманіемъ приглядати. Лице его было блѣдымъ и успокойнымъ, въ очахъ изображалась необыкновенная предпріимчивость, въ движеніяхъ якаясь горячковая живость и нетерпѣливость.

Тая перемѣна не ушла вниманію графини и лѣкаря. Уже то есть привилей сердця материнского найперше предчувствовати небезпеченьство, найпознѣйше усомнѣватись въ помощи. Госпожа Дружевска начала мимовольно чегось обавлятись, а чѣмъ больше вдивлялась въ лице Артура, тѣмъ больше увеличался ей неспокой.

Артуръ былъ истинно въ якомъ то

необыкновенномъ розположенїю, и казался нарочно сторонити позрѣнїй матери. Посѣтивши огородъ монастырскїй, изъявилъ онъ желанїе переглянꙋти и библїотекꙋ. Добродꙋшный чернецъ съ охотою исполнилъ его желанїе. Оставивши графиню и Маринꙋ на лавцѣ междꙋ цвѣтами, оудалились лѣкарь и Артꙋръ съ сопроводителемъ во внꙋтръ книгохранилища.

Скрыпъ затворившихся дверей роздался по крꙋтымъ ходникамъ за вступившими въ библїотекꙋ и помножилъ еще больше непокой матери. Надармо старалась Марина оуспокоити ю, надармо сама графиня представляла собѣ безосновность своей обавы. Чѣмъ больше продолжалось отсꙋтствїе сына, тѣмъ тягостнѣйшїи чꙋвства завладѣли графинею. Въ томъ розтворились двери и лѣкарь и Артꙋръ оуказались въ порозѣ. Но парꙋжность обохъ не была вовсе задовольняющою. Лѣкарь казался тревожнымъ и помѣшанымъ, а на лицꙋ Артꙋра отбивалось непремѣнное якое-то постановленїе.

„Прихожꙋ попращатись съ тобою любезнѣйша мати;" — сказалъ дрожащимъ голосомъ — „остаюсь тꙋтъ на всегда."

„Що говоришь?!" воскликнꙋла взволнованна Госпожа Дрꙋжевска.

„Нельзя мнѣ долше боротись съ хороробою, которая мене поволи забиваетъ. Не хочꙋ далѣй сопротивлятися непремѣнной сꙋдьбѣ, которꙋ полꙋчилъ въ спадщинѣ по отцꙋ и дѣдахъ моихъ съ ихъ именемъ. Останꙋсь въ тыхъ мꙋрахъ, и спокойно бꙋдꙋ ожидати конца моихъ терпѣнїй."

„А я мати твоя! Щожъ со мною станется? чегожъ я дожидатись имѣю?"

„И чегожъ желаешь дожидатись по мнѣ?" — перервалъ сынъ горько — „Хвили ли, въ которой нꙋжно бꙋдетъ мнѣ затворити очи, окрыти головꙋ поцѣлꙋемъ, кинꙋти горсть сырой земли на вѣко моей трꙋмны? Не розлꙋчаешься прецѣнь съ сыномъ здоровымъ, но съ осꙋжденнымъ на смерть, которомꙋ каждая хвиля прискоряетъ непохибный конецъ! Тѣмъ постꙋпкомъ оставлю тебе щастливою и освобождꙋ отъ безпрестанного непокоя и терпѣнїя. Не хочꙋ, щобысь глядѣла на ежедневнїи оуспѣхи оубивающой хоробы, которꙋю полꙋчилъ спадкомъ съ первою каплею крови моей, не хочꙋ, щобысь съ лица моего вычитывала щоразъ точнѣйшое ближенїе смерти."

„Артꙋре, Артꙋре!" воскликнꙋла Графиня проницательнымъ голосомъ — „не имѣешь же ни одной искры чꙋвства и милосердїя для тыхъ, которїи тя любятъ?"

„Для тыхъ, которїи мя любятъ?" отвѣтилъ молодецъ съ неизреченною горестїю и болѣзнею — „Ахъ, отъ тыхъ то преимꙋщественно оубѣгаю, отъ тыхъ стороню, съ тыми пращаюсь на вѣки. Чимъ же есмь для нихъ? Безпрестанною жерткою и катомъ разомъ. Они добиваютъ мене своимъ сожалѣнїемъ, я ихъ моимъ отчаянїемъ, моимъ терпѣнїемъ. Они мене обвиняютъ, но я не могꙋ милосердїемъ вознаградити имъ.

По тыхъ словахъ Артꙋръ звернꙋлъ свои кроки къ воротамъ монастырскимъ. Графиня майже не пострадала змысловъ. Не знаючи сама що дѣется, обернꙋлась внезапно съ просящимъ возрѣнїемъ къ Маринѣ, якъ бы отъ ней надѣялась последной помощи. Марина постꙋпила одинъ крокъ на передъ и дрожащимъ голосомъ несмѣло сказала до отходящого молодца:

„И зъ якойже причины, Господине Артуръ, хочешь насъ до такъ горкого смутку привести?

Артуръ дрожалъ на цѣломъ тѣлѣ, и на хвилю стоялъ неподвижно. Потомъ обернулся внезапно къ Маринѣ и сказалъ голосомъ взволнованымъ и майже нерозумѣтельнымъ:

„Возвращаюсь до дому назадъ, когда Госпожа Марина того желаетъ."

И прискочивши поспѣшно до коня, усѣлъ и отъѣхалъ. Графиня велѣла также сейчасъ заѣзджати повозу, желаючи якъ найскорше отдалитись зъ мѣстця, которое ю безпрерывно еще преисполняло смертельною тревогою. Невавомъ были всѣ на пути до Борыня. Всѣми завладѣло якоесь глубокое и угрюмое волненіе. Короткая розмова Артура съ Мариною изъяснила ихъ взаимніи чувства. Была она явнѣйшою и нѣжнѣйшою, нижели найискреннѣйшое объявленіе любви. Кажется, всѣ узнали и срозумѣли тое, бо по первомъ насильномъ взволнованію якое то глубокое задуманье изъображалось на всѣхъ лицахъ. Лѣкарь сидѣлъ блѣдый и молчаливый напротивъ графини, а тысящніи думки пересувались въ его головѣ. Съ терпкою горестію обвинялъ онъ себе про небреженіе надъ дочкою. Не понималъ якимъ способомъ могла утаитись предъ нимъ такъ долго сумная сущность, которой онъ уже первоначально такъ обавлялся, а котора для спокоя и щастія единой дочки саміи злополучніи слѣдствія предвѣщала. Гнѣвный самъ на себе, исполненый жалемъ до Артура а даже и до графинѣ, кагался теперь съ мыслями якъ бы чимъ скорше злому зарадити и исцѣлити Марину отъ опасной и якъ ему казалось уже за много вкорененной склонности.

Скоро только прибыли до Борыни и вступили въ комнату, сблизился лѣкарь съ поважнымъ видомъ къ графинѣ, и сказалъ полголосомъ:

„Приходжу просити Гжу графиню, щобы изволила завтрашного дня менѣ полъ часа къ розговору посвятити."

Графиня вперила быстрый взоръ въ лѣкаря, потомъ поглянула на Марину, и отгадавши все, сказала такожъ съ повагою:

„Господинъ выпередилъ мое желаніе!"

(Продолженіе слѣдуетъ)

КРАСОТА И ВЕЛИЧЕСТВЕННОСТЬ

(продолженіе)

Женщина нѣжными добродѣтелями больше привлекаетъ; мужъ величественными принуждаетъ для себе почитаніе. Но якъ же тое до божества сближаетъ великого мужа, который обокъ чести повелѣваетъ любити себе! И якъ величественною есть красота, котора съ властивымъ благородіемъ принуждаетъ къ чести для себе.

Оба полы найбольше цѣнятъ тіи власности, которыи взаимно къ себѣ достерегаютъ; ровно, якъ вадами мужей больше стыдатся женщины, и взаимно. Мужъ безъ чести такъ мало имѣетъ почитанія, якъ женщина безъ скромности. Робкость мужа такъ отражаетъ женщину, якъ розвратность женщинъ, котора не происходячи зъ чувствъ полу собственныхъ, смѣшность возбуждаетъ. Отвага женщину такъ зневоляетъ, якъ мужа кротость. Зъ самыхъ противорѣчій тыхъ чувствъ противныхъ происходитъ привязанность и взаимное почитаніе, розвиваются обязывающіи власности и повинности.

Каждому полу дана есть склонность

оублагороднѧти или примѣчати власности другого; такъ борствуютъ длѧ взаимного добра о оулучшенїе своихъ нравовъ и заслугъ взаимныхъ. Великою частею величественныхъ чувствъ одолжены суть мужи второму полу; заровно ꙗкъ большую часть благородныхъ дѣланїй вторый полъ завдѧчаетъ первому.

Добродѣтель взаимно возбужденну оба полы одинъ въ другомъ замѣчаютъ. Отсуда происходитъ, що мужъ совокупляетъ съ мужествомъ нѣжнїи чувства и чувствуетъ велелѣпїе нравственной красоты; женщина же оучитсѧ цѣнити величественнїи чувства, и часто статсѧ длѧ нихъ оудалою. Хотѧ довольно есть длѧ женщины оумѣти цѣнити величественнїи чувства мужа, и тѣхъ же ради жертвовати собою; однакожъ и она есть здольною до героическихъ дѣлъ, но они происходѧтъ всегда съ чувствъ ей полу найбольше властивыхъ. Непобѣдимый Ахилъ предъ матерїю проливаѧ слезы переходитъ до тронаюшихъ женскихъ чувствъ, когда инїи спѣшатъ сражатисѧ съ врагомъ, тоскуетъ онъ за спокойными загородами своего отца. Той плачъ обезчестилъ бы богатырѧ, если бы не происходилъ зъ величественныхъ склонностей. Плачетъ, бо знаетъ, що падетъ жертвою въ оборонѣ вождѧ Атридовъ, который его такъ тажко оскорбилъ; бо тое властиво оскорбленїе пригадуетъ ему, що короткое но славное житїе избралъ на мѣстце долгихъ але спокойныхъ лѣтъ. И не отмѣнѧетъ тое избранїе; остаетсѧ, сражаетсѧ и погибаетъ; а героизмъ его тѣмъ блистательнѣйшїй, що оказалъ разомъ столько трогательныхъ чувствъ. Въ одномъ италїйскомъ городѣ левъ затворенный въ желѣзнїи краты, сокрушаетъ ихъ, и бѣжитъ съ свирѣпостїю чрезъ городъ и когда всѣ оукрываютсѧ, левъ похищаетъ дитѧ бавлѧщоесѧ на порозѣ и оуноситъ. Постерегши то матерь выбѣгаетъ въ отчаѧнїю, бѣжитъ и оупадаетъ на колѣна предъ звѣремъ, молѧчи о дитѧ въ пащецѣ остающоесѧ. Великодушный левъ кладетъ дитѧ предъ матерь и отходитъ. То два примѣры, въ которыхъ противоположнїи чувства съ врожденныхъ склонностей происходѧтъ. Слезами Ахилла промовлѧетъ его героическое мужество; отвагою матери промовлѧетъ величественное материнское чувство.

Замѣчано, що прїѧзнь есть чувствомъ больше мужей нижели женщинъ. Тое чувство имѣетъ свое величество и звычайно ведетъ къ героизму. Дѣѧнїѧ преисвѣдчаютъ насъ, що найлучшїи прїѧтели были найбольшими богатырами. Оу женщинъ любовь есть источникомъ героизму, длѧ того дѣѧнїѧ въ томъ полу не оуказуютъ намъ Пиладовъ и Орестовъ, але богатырки въ любовницахъ, женахъ и матерѧхъ.

Оу женщинъ домъ родный есть цѣлею всѣхъ желанїй и заботъ, оу мужей есть онъ средствомъ къ желанїѧмъ и послугамъ общества. Его стремленїѧ и дальнаѧ будущность розпространѧютсѧ за домъ, на пространну краину; женщинѣ становитсѧ домъ свѣтомъ, хотѣла бы загальное щастїе совокупленно въ немъ оузрѣти. Онъ любитъ дѣти ꙗко обыватель, она любитъ общество ꙗко матерь. Въ полюбовницѣ даже найбольше привлекательны суть материнськїи склонности, и женщина истинно любѧщаѧ, любитъ разомъ ꙗко матерь и дочь, такъ ꙗкъ мужъ преданый любвѣ къ обществу приноситъ жертву длѧ него ꙗко сынъ и отецъ.

Мужеска добродѣтель справедливости

єсть одною, до которой чꙋвство женщинъ найменьше имъ призволѧетъ вознестисѧ. Мы желали бы послѣдовати Бога въ неотзовныхъ вырокахъ, но тое що єсть необходимою конечностїю, що єсть истинною справедливостїю, не всегда понимаемъ. Длѧ того полъ превосходѧщїй милосердїемъ єсли не слезами и просьбами, то чꙋвствами, которыми нашїи мѧгчитъ, отвращаетъ насъ отъ той строгости и по части оужасныхъ погрѣшностей. Милосердїе, ꙗкъ и справедливость самы собою могꙋтъ быти въ заблꙋжденїю и вредити, а оумѣркованїе одной черезъ дрꙋгꙋ издаетъ часто сердцемъ и розꙋмомъ понѧтꙋ правость, которавъ нѣкоторыхъ событїѧхъ лꙋчше примѣчаетъ.

Мꙋжи въ обще такъ ко восхищенїю ꙗкъ въ идеальныхъ своихъ розчетахъ имѣютъ зародъ къ войнѣ, остакленїѧ всего на картꙋ пожертвованїѧ теорїѧмъ вещественности, длѧ того стаютсѧ часто кровавыми жертвами; но за то вторый полъ, памѧтный о особенность, занѧтый пощадѣнїемъ, не добычею, навращаетъ часто таковы стремленїѧ къ домовомꙋ пожитїю; а мꙋжъ и отецъ инїи цѣли мꙋжествꙋ и отвазѣ назначаетъ, дикое замилованїе къ войнѣ премѣнѧетъ въ найсвѧтѣйшꙋю обѧзанность, въ мꙋжество оборонное. —

Женщина такъ єсть преисполненою чꙋвствомъ красоты, що ю красота дрꙋгой больше занимаетъ, нижели самого мꙋжа. Отъ него желаетъ только мꙋжескихъ добродѣтелей. Она єсть спокойною, що не имѣетъ высшихъ свидѣнїй, що ей не препорꙋчено дѣла отважнїи и трꙋднїи; но она требꙋетъ тыхъ добродѣтелей, которыхъ не имѣетъ, отъ мꙋжа. Онъ въ сололодкой веселости, врожденной добротѣ и вразꙋмленїю находитъ отпочинокъ въ своихъ трꙋдахъ. (к. с.)

ДОПИСЬ

— Зъ подъ Львова* —

Вже девять лѣтъ минуло отъ часу возбужденія руской литературы, а чимъ же взбогатилася она отъ того часу? Появилося лишь немного сочиненій, но число тыхъ майже що день уменшалось. Появилося нѣсколько часописей. но долгожъ существовали они? Осталася только Зоря Галицка и Вѣстникъ, а и тія скудо имѣютъ пренумерантовъ. Щожъ за причина того неповеденія нашого на поли литературы. Тадже имѣемъ мужей высоко ученыхъ, имѣемъ поетовъ, имѣемъ и помочь отъ руской „Матицы." Недавно тому одинъ дописыватель ужалялся въ Зорѣ Галицкой, що Русины суть лѣнивыми и недбалыми о свое власное добро. По части то правда, але властива причина нашого неповеденія лежитъ далеко глубше. Въ оной хвилѣ пробужденія чувства народного положеніе Русиновъ дуже было труднымъ. Глянувши въ около себе увидѣлисьмо лишь нѣсколко сочиненій рускихъ, и немного забытковъ старой литературы; а до тыхъ послѣдныхъ признавалися и иніи соплеменники славянскіи. Позрѣлисьмо на народы чужіи — ой они вже далеко убѣгли. Нуже въ путь за ними! Но вмѣсто зачинати отъ початку, забажалисьмо станути однымъ крокомъ у цѣли и въ сей часъ сровнатися съ народами найбольше просвѣщеными. Забылисьмо о томъ, що вѣки минули, нимъ нѣмецка, французка и англійска лнтература станули на своемъ нынѣшнемъ степени. Хотѣлисьмо писати отъ разу сочиненія въ высшихъ наукахъ; а годѣ, коли нашъ языкъ такъ мало еще образованый. Если недоставало намъ якого слова техничного, то глядалисьмо его въ словаряхъ старославянскихъ и великорускихъ. Слизка то дорога! Часто и наше власне слово отвергалисьмо, а брали за чужое, бо тое послѣднее видѣлось намъ лучшимъ. Наконецъ и формы грамматичніи, жіючіи въ самомъ народѣ, пожертвовалисьмо нашему стремленію ко очищенію языка изъ такъ званыхъ провинціонализмовъ. Такимъ то способомъ майже цѣла наша дотыхчасова литература основана на чужихъ подставахъ. Щожъ

* *Редакція съ охотою помѣщаетъ тую допись въ своей временописи, и ожидаетъ отъ Г. Дописывателя приручченыхъ розправъ.* —

дивного, же народъ не принялъ ей яко своей дитины; ой, бо несрозумѣлъ нашого книжного языка. Нашимъ нещастьемъ было тое, що многіи запрещали намъ всего житья литературного, числили насъ до Поляковъ; мы же, хотящи выдертися зъ подъ влїянія польского языка, сталися невольниками старославяньской и россійской мовы, а тымъ способомъ нашъ языкъ, именно поезія утрачае на своей пѣвности и благозвучности! Но якужъ дорогу имѣемъ собѣ обрати въ томъ лабиринтѣ? Ото зачинати отъ початку якъ другіи народы, писати сочиненія легкіи, кождому срозумѣліи, яко то историчніи и поетичніи повѣсти и. т. п. не сягати до философіи, матимаматики, законодательства и иныхъ наукъ высшихъ, понеже нашъ языкъ не имѣетъ еще силъ на тое. Снисходити до простого народа, и писати для него, обучати его, а певно онъ самъ съ часомъ будетъ образовати свой языкъ въ дусѣ собѣ отповѣдномъ.

Не хочемъ тутъ никому накидати нашого мнѣнія; самое злое поведеніе нашой литературы доказуетъ, що дотыхчасовое поступаніе нашихъ писателей небыло отповѣднымъ духови народа руского. Но, дасть Богъ, прійдутъ лѣпшіи часы. Таже силъ имѣемъ досыть; потреба только, щобысьмо ревно приступили до дѣла, недалися отстрашити перешкодами, особливо же недали упасти нашимъ двомъ часописямъ, котріи еще дотоль утрималися. Дивно, що Русины имѣючи такъ добру способность сообщанья собѣ своихъ мыслей въ тыхъ часописяхъ, такъ занедбуютъ того. Таже то найлучше поле для розправъ всякого рода; тутъ можемъ давати собѣ взаимно извѣстія зъ розличныхъ околицъ нашого краю, подавати собѣ рады, часомъ и полемизовати — розумѣется по пріятельски —

Я зъ моей стороны приложу моихъ невеликихъ силъ къ вспиранію того дѣла, если честна редакція Зори Галицкой изволитъ помѣстити допись — я отъ часу до часу буду присылати подобніи розправы, сподѣваючися при томъ, що многи пойдутъ за моимъ прикладомъ. И такъ до милого свиданья. Л. зъ Л.

ЛИТЕРАТУРНЫ ИЗВѢСТІЯ.

Давно ожиданный МІРСКІЙ МОЛИТВОСЛОВЪ поступилъ уже въ продажъ и ексемпляри оного получити можно въ Управительствѣ Галицко-руской Матицы (на коея иждивеніи онъ изданъ) по слѣдующимъ цѣнамъ: Ексемпляръ непереплетенный на обыкновенной бумазѣ 36 кр. екс. такійже на бѣлой бумазѣ 50 кр. Ексемпляри же на обыкновенной бумазѣ въ простомъ переплетѣ продаются по 40 кр. КМ. Тѣ послѣднія можно также получити въ Ставропигійской книжной Лавцѣ во Львовѣ. — Молитвословъ тотъ содержитъ въ собѣ преизобильный выборъ хорошихъ молитвъ на различныя богослуженія и на всякіи случаи къ душеспасительному назиданію православныхъ Христіянъ въ домахъ и въ церкви. Они избранны по большой части изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ и приличны всякому званію. Для лучшого убѣжденія выписываемъ сдѣ содержаніе его: Молитвы обычныя — Молитвы утренныя — Молитвы различныя, между которыми: Молитва за творящихъ намъ милостиню, М. о избавленіи отъ глада; во время безведрія; во время бездождія; Молитва о живыхъ; м. о усопшихъ; м. предъ начинаніемъ и по окончени всякаго дѣла; м. предъ ученіемъ и послѣ ученія, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда; Символъ св. Аѳанасія Патріарха Александрійского, и пѣснь благодарственная св. Амвросія Е. Медіолянскаго: Молитвы предъ исповѣданіемъ и послѣ исповѣданія; М. ко св. причащанію и по св. причащаніи. По томъ молитва въ дни седмичныи и въ иныя времена года; воздыханія духа сокрушеннаго въ дни четыредесятницы. Утреня во св. и великую Неделю Пасхи съ цѣлымъ канономъ; далѣе Молитвы, псальмы и пѣнія изъ службъ церковныхъ, т. е. изъ Вечерны, и Повечерія великаго, изъ Полунощницы, изъ Утрени, Поліелей, Величанія, Славословіе великое; изъ Часовъ, изъ Обѣдницы, изъ Божественной Литургіи; наконецъ Акаѳистъ Іисусу сладчайшему и Молитвы на сонъ грядущихъ. Въ заключеніе прибавленый Мѣсяцесловъ всего лѣта съ тропарями и кондаками праздникомъ. Книжка состоитъ изъ 380 страницъ въ 16. долю самого убористого письма и украшенна четырмя на стали рытыми довольно красивыми иконками изображающими св. Іоанна Крестителя, по образцу иконы св. Аѳонской горы, св. Богородицы по образцу Иверскія, св. О. Николая и Распятіе Іисуса Христа. Цѣна весьма умѣренная и сего ради доступна каждому, даже меньше заможному, особенно же учащемуся юношеству. ***

ПОЧТЕННЫМЪ ПРЕДПЛАТИТЕЛЯМЪ ЗОРИ ГАЛИЦКОЙ!

Жалькое состояніе издаваемои нами временописи, принуждае насъ отзыватися частѣйше къ невеличкому кругу читателей нашихъ. Жалькое состояніе временописи нашои узялось по тому, що поминувъ невеличкій кругъ читателей, еще скуднѣйшее число предплатителей имѣе. Но къ тому нужна быти якаясь перепона, якіись лихіи обстоятельства заграждающіи путь нашему литературному успѣхови, ба даже грозящіи весьма приголомшити духовную жизнь нашую. Розсудивши точно отношеніе наше къ читателямъ, двоякое лихо може намъ быти великою перепоною: или временопись наша не издаеся по требованіямъ и желаніямъ читателей нашихъ, или читателѣ нашіи (такожде не безъ принуки) совершенно остуденѣли къ намъ и безучастно смотрятъ на отчаянны подвиги нашіи. Первому лиху, хотя оно сказавши истинну, по недужнымъ силамъ нашимъ тяжитъ на нашѣй совѣсти, возможно еще съ временемъ запобѣчи, а то тымъ простымъ средствомъ, которое учены люди успѣхомъ называютъ; но второму годѣ якимъ нибудь дѣломъ зайти свѣта. Такъ, мы не перечимъ, що временопись наша въ многихъ отношеніяхъ еще не соглашаесь съ истиннымъ опредѣленіемъ своимъ, съ истинною цѣлею. Но желанія и требованія могутъ летати поза обьемъ отъ що лишъ начавшихъ розвиватися силъ нашихъ. Возможножъ пытаемъ, сей часъ быти намъ совершенными безошибочными? Мы взявшись за тяжкій трудъ литературного розвитія матерного языка, самы упознаемъ що хвиля, якъ много не достае намъ, якъ невеличкіи есьмы въ срôвнанію съ побратимцями. Якъ каждый начиняющій яковоесь дѣло, не дѣлае по собственному зрѣнію и мнѣнію, которое недоспѣлое и тому несохтовное може быти; такъ и мы послѣдовали розличнымъ совѣтованіямъ, желаніямъ, людій огляднѣйшихъ и опытнѣйшихъ отъ насъ. А по тому, що совѣтованія которымъ мы послѣдовали, суть розличны, не утворилось еще у насъ согласное само въ собѣ, правильное стремленіе. Все то якъ сказано полагае на долгôмъ упряжненію силъ нашихъ, полагае на времени. Но если нѣтъ предплатителей, то и ніякимъ дѣломъ намъ усовершатись, образоватись. Издаватель Зори минувшого года выдержалъ не безъ потери, ибо доселѣ между 300 осталось 50 должными. Поднявши и сего року издавательство на себе, невозможно было ему для важныхъ перепонъ издати доселѣ принадлежное число ексемплярôвъ точно во своемъ времени. Не есть то еще несчастье; издаватель поднявшись разъ долженъ и нужный приставити съ коньцемъ года предплатителямъ своимъ принадлежны имъ числа. Залежитъ тутъ отъ предплатителей; и що же много ихъ имѣе Зоря доселѣ? Ой! Зорѣ а чей свыше присуждено погаснути, ибо со 100 предплатителями невозможно ѣй существовати. Почт. Читателѣ нашіи! если мило и благоугодно вамъ, дабы существовала временопись руска въ Львовѣ, молимъ всѣхъ тыхъ, которы получаютъ, а еще доселѣ ничо не предплатили о якъ найскоршое надосланіе предплаты.

Тупомъ Института Ставропигіанского. Редакторъ Николай Савчиньскій.